ИСТОРИЯ МЫСЛИ – ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ: ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

И.П. СМIRHOV

История мысли и история философии имеют много общего – возможно, больше, чем различного. Так сложилось, что сближение этих понятий особенно характерно именно для отечественной культуры, русской интеллектуальной и духовной традиции. Соотношение этих направлений в отечественной литературе таково, что приходится говорить не столько о корреляции, взаимодействии или точках пересечения, сколько о частичном наложении и совпадении их предметных областей. Национальная мысль и национальная философия – довольно близкие явления, в конечном пределе сводящиеся к принятой в той или иной культуре картине мира, задающей ориентиры и определяющей основополагающие ценности как в мировоззрении отдельного человека, так и в жизни исторических, государственных, хозяйственных, культурных институтов. Наиболее очевидное различие между названными областями гуманитарного знания, казалось бы, лежит на поверхности. Оно заключается в самой дисциплинарной принадлежности: история философии является философской дисциплиной, тогда как история мысли – исторической. И все же эти понятия постоянно смешиваются, вплоть до полной взаимозаменяемости.

История философии

История философии представляет собой раздел философии, изучающий исторические типы философии и процесс развития философской мысли отдельных стран и человечества в целом. Применительно к России, ее главным предметом является состояние философии в нашей стране в ту или иную эпоху. Взгляд на этот предмет будет разным в зависимости от того, как трактуется вообще философия. Определяется ли она в качестве одной из наук или рассматривается как самостоятельный способ познания в одном ряду с наукой и религией. Из второго подхода вытекает традиционный для нашей культуры недифференцированный, широкий взгляд на философию. Как писал С.Л. Франк, «философия по своей сущности не только наука; она вообще, вероятно, наука лишь в прикладном смысле; первоначально же, по своей исконной сути, она – наднаучное интуитивное мировоззренческое учение, которое состоит в очень тесной родственной связи... с религиозной мистикой»¹. Весьма характерная и распространенная позиция, а применительно к русской философии – констатация.

Как представляется, именно этому взгляду обязан своим появлением известный спор специалистов: существует ли русская философия или правильнее говорить лишь о философии в России? На первый взгляд, парадоксальная постановка вопроса, ведь нельзя ставить под сомнение существование одного из выдающихся явлений мировой культуры, столь яркого и неординарного. Здесь уместно вспомнить адресованный радикальной интеллигенции упрек «веховцев», в том, что она в своей избирательности и «кружковщине» прошла мимо русской философии, не заметив ее. Однако свои резоны в этом странном споре имеют обе стороны. В самом деле, если видеть в философии науку и подходить к ней с мерками научной дисциплины, строго структурированной, преподаваемой в университетах, то русская философия (в этом смысле, скорее, философия в России) действительно вызывает определенные вопросы по поводу своей вторичности и компилятивного характера.

Институционально отечественная философская мысль отличается от западноевропейских аналогов в первую очередь тем, что ее развитие происходило вне типичных для западных стран учреждений. Философские идеи формировались у нас не на университетской кафедре, как и политические не на парламентской трибуне, а являлись вольнодумным продуктом специфической интеллектуальной и творческой среды (породившей знаменитую «интеллигенцию», но в эти условные рамки не укладываемая), ее аристократических салонов и разночинских кружков². Одной из характерных черт русской философии является «литературоцентризм». Философский и литературный дискурс в России трудно разделить, более того, русская классическая литература стала основным местом, где обсуждались проблемы и сюжеты, понимаемые на Западе как философские. Эту особенность трактуют по-разному: как слабость или, напротив, как силу нашей философской традиции по сравнению с западноевропейской. На наш взгляд, в своеобразии большое преимущество отечественной традиции. В частности, нередко справедливо замечалось, что она удачно дополняет немецкую, не уступая ей в глубине, силе и значении.

Действительно, Легенда о Великом Инквизиторе является вершиной русской философии. Но в тесной связи с художественной литературой состоит не стадияльное отставание, которое предстоит преодолеть, а типологическая особенность. Возможно, дело заключается в присущем ей ракурсе. Как правило, это не спекулятивные, абстрактно-теоретические проблемы, носящие четко выраженный дисциплинарный характер, а вопросы бытия: назначения человека, смысла человеческой истории, места России в ней. «Онтологический примат жизненного факта над мышлением», как назвал это С.Л. Франк³. По определению В.В. Зеньковского, русская философия онтологична, антропологична, историософична. Она также

«бессистемна» по форме, т.е. не пытается придать всему содержанию духовной жизни системный характер. Эту тему развивает С.Л. Франк в работе «Русское мировоззрение». Он считает, что если применительно к западной философии следует говорить прежде всего о «системе», то применительно к русской — о «мировоззрении». Философия в России не выводится из систематических научных исследований. Соответственно, ее история требует совмещения понятийных категорий философского и художественного анализа. Как отмечал Г.Д. Гачев: «Рассудок (который работает в притирке опосредования звено за звеном) теряется. Тут лучше работает образ, который может перепрыгивать через зияния в метафоре... Потому строгая философия невозможна в России, но она — на грани с художественной литературой или религией»⁴.

Таким образом, литературоцентризм и широкий взгляд на философию и ее роль, диктующий приоритеты в выборе тем для философских размышлений, являются характерными чертами русской философии. Теперь обратимся к истории мысли, точнее, к истории русской мысли, поскольку чаще встречается именно такое обозначение.

История мысли

История русской мысли представляет собой интегративную область знаний, в силу принципиальной междисциплинарности трудно поддающуюся четким и тем более однозначным определениям. Хотя, судя по частоте, регулярности и привычности употребления этого выражения — русская мысль, — ее многочисленные и в целом ряде случаев блестящие историки двух последних столетий не только эмпирически владели материалом, но и логически охватывали объект своих исследований, прекрасно отдавая себе отчет в том, какой предмет в этом объекте их интересует, иногда вопреки Тютчеву «понимая умом» и предлагая соответствующие дефиниции, но чаще прямо по Тютчеву, избегая как лжи «мысли изреченной». Так, один из классиков истории русской мысли В.В. Зеньковский уклонялся от определений, но среди примерно 120 разбираемых в его «Истории русской философии» персоналий мы встретим естествоиспытателей и физиологов, художников и мистиков, политиков и профессиональных революционеров, не говоря о выдающихся писателях и поэтах, так что «философия» получает у него предельно расширительную трактовку, далекую от доктринально-научной.

То же самое относится к одноименной книге Н.О. Лосского, а также к другим работам по русской мысли, в той или иной степени воспроизводящим тот же синтетический замысел — к «Истории русского самосознания» М.О. Кояловича, к «Русской историографии» В.О. Ключевского, к «Истории русской интеллигенции» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, к библиографическому труду «Сре-

ди книг» Н.А. Рубакина, к «Очерку истории русской философии» Э.Л. Радлова, к «Русскому мировоззрению» С.Л. Франка, к «Путям русского богословия» Г.В. Флоровского, к недооцененной исследователями книге «Из русской культурной и творческой традиции» Н.С. Арсеньева, к изданной на немецком языке «Истории русской мысли» Д.И. Чижевского, к нескольким «Русским идеям», самые известные из которых принадлежат В.С. Соловьеву, Н.А. Бердяеву, Вяч.И. Иванову, И.А. Ильину. Вводное положение, которое В.В. Зеньковский предпослал своему труду, разделяется всеми названными авторами, даже если разделяется негативно (Д.Н. Овсяннико-Куликовский), и выраженная в нем идея неизменно входит в орбиту их исследовательского интереса: «Русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со *своей* религиозной стихией, со *своей* религиозной почвой»⁵. Постижение «своего», изучение своей мыслительной традиции с ее истоками и основаниями, формированием и развитием, характерными чертами, вбираемыми или отторгаемыми ею влияниями, отдельными направлениями и их соотношением, и составляет предмет истории мысли.

Эту функцию истории мысли – распознавать «свое» национальной культуры, признают за ней не только сторонники и последователи. Показательный в этом отношении пример – авторитетный американский исследователь Ричард Рорти, который уделил специальное внимание «проблеме, как отделить историю философии от истории «мысли»»⁶. Являясь приверженцем и пропагандистом «интеллектуальной истории», Рорти высказывается об истории мысли в ироническом ключе и предъявляет ей упрек в том, что она служит «формированию канона», а «формирование канона – не тема для историка науки»⁷. Вместе с тем ученый признает, что знание канона тоже необходимо и бывает, что без него не обойтись, ведь история мысли в известном смысле «представляет собой интеллектуальную историю, за которой усматривается мораль», т.е. она решает, «какие вопросы связывают нас с нашими предками», помогает нам осознать «факт нашего нахождения в пути»⁸.

Пожалуй, с такой трактовкой стоит согласиться, но только со знавая, на каком пути (иначе говоря, внутри какой традиции) мы находимся, и можно надеяться на осмысленный шаг вперед. Каждое ныне живущее поколение творит национальную культуру, но вовсе не с чистого листа. Все предшествующие поколения имеют свой голос, который нельзя не учитывать. Созданное, обдуманное и сказанное ими определяет характер и задает направление нашей мысли, и наряду с конкретно-историческими мотивами, точнее, поверх их, существуют коренные вопросы, которые для нашего сознания решены изначально и не нуждаются в принципиальном обсуждении, но многое обуславливают. Традиция обязывает, являясь результатом

исторического выбора и отбора. Не признающий эту особенность традиции, ее во многом нормативный характер, рискует получить от истории очередной жестокий урок.

Однако признание за интеллектуальной историей морального аспекта — это не главное, что отличает историю мысли (если вообще допустимо говорить о морализаторстве как чьей-либо исключительной прерогативе). Объект изучения, во многом диктующий угол зрения исследователя, и источниковая база совпадают здесь далеко не полностью. Историко-мыслительный подход, с одной стороны, избирательнее, но, с другой стороны, шире. Не углубляясь специально ни в историю повседневности, ни в психоаналитические аспекты микроистории, ни в разработку массовых источников по ментальности, история мысли заостряет внимание на тех моментах в концептуальных произведениях русских мыслителей, которые, собственно, и делают их русскими, отражают свойственный национальной культуре неповторимый «стиль ума» (К.Н. Леонтьев), дают представление о генетически присущей ей аксиологии, культурно-историческом самоопределении, выражают рефлексию культуры. На понимании своеобразия и значения своей мыслительной традиции национальная общность строит свою идентичность. Массовая психология, коллективное бессознательное могут учитываться историком мысли, но не являются его предметом, ни в индивидуальных, ни в социальных проявлениях. Историю мысли интересует именно сознательное, более того, она остается на традиционной почве «высокой» письменной культуры.

А если вернуться к посылу «Диалога со временем», к творчеству, интерес к которому истории мысли не чужд, то можно ответить словами Г.В. Флоровского: «русское "самосознание" не ровнялось и не следовало за творчеством»⁹; автор вкладывал в это наблюдение оценочный смысл, констатируя и сожалея, что творчество в России стояло выше, опережало «самосознание», интересовавшее его как историка в первую очередь. Эта незавершенность рефлексии, многое оставляющая недосказанным, — одна из тем истории русской мысли, ее признанный факт и фактор.

Отличия истории мысли от «истории идей» (иногда объединяемой с интеллектуальной историей, но чаще воспринимаемой в качестве отдельной дисциплины) не менее очевидны. Создателем этого направления принято считать американского философа и историка Артура Лавджоя, понимавшего историю идей как науку об историческом процессе создания, сохранения и изменения человеческих идей¹⁰. Основу ее метода, по Лавджою, составляет исследование единичных идей, которые вступают в новые сочетания друг с другом и меняют формы выражения, оставаясь относительно неизменными. Отметим, что в отечественной историографии схожий подход реализовал один

из лидеров русского позитивизма П.Л. Лавров в своем фундаментальном, хотя и не законченном, труде «Опыт истории мысли», на полвека опередив американского ученого. Работы, созданные в русле этого направления в России конца XIX – начала XX в., отличает универсалистский взгляд на всемирную историю и поиск идей, общих для человечества в целом¹¹ или для европейской культуры¹². В дальнейшем характерной чертой метода стало скорее прослеживание какой-либо идеи (например, идеи прогресса у Роберта Нисбета¹³) в ее преодолевающем рамки отдельных культур развитии от древности до наших дней. Такой подход может дополнять и обогащать исследование по истории мысли, которую однако занимает не столько судьба конкретной идеи, сколько специфика ее зарождения и развития на почве той или иной национальной мыслительной традиции, в первую очередь с точки зрения характеристики именно этой духовной почвы. Кстати, сама метафора «священная цепь» (в названии книги Лавджоя – «великая») восходит к Гердеру и вслед за ним к Гегелю и обозначает у них не что иное, как... традицию¹⁴.

Нельзя не упомянуть отдельно также и «социологию знания» Карла Мангейма, которая стоит в этом ряду несколько особняком. Своей нацеленностью на «повествовательное» описание идей¹⁵ она методологически близка к «истории идей», а своим социально-психологическим подходом корреспондирует с интеллектуальной историей.

Национальная мыслительная традиция

В качестве предмета истории мысли мы предлагаем рассматривать *национальную мыслительную традицию*¹⁶. Это обозначение часто употребляют, когда говорят о какой-либо культуре в сравнении с другими в сфере мысли. Одни и те же явления воспринимаются в одной национальной мысли иначе, нежели в другой, что и делает возможным применение историко-сравнительного метода и осуществление культурно-исторической типологии в компаративистских исследованиях. Культура каждого народа заключается в совокупности, соединении его литературной, архитектурной традиции (здесь достаточно вспомнить Освальда Шпенглера, который именно на архитектуре преимущественно основывал свои классификации), философской, художественной, музыкальной, научной и других традиций и, наконец, мыслительной традиции, которая тематизирует их доктринальную сущность и осмысливает общую идейно-мировоззренческую направленность.

В своем перечислении мы сознательно не упоминаем религиозную традицию. По принятой среди русских мыслителей оценке, религиозная традиция – не одна из многих духовных традиций народа, а основание всей его культуры в целом. Это можно трактовать истори-

чески: культура основывалась на религии. Наука, искусство, литература — все имеет свои корни в религии и из нее произошло, даже если память об этом сегодня стерлась. На этот факт указывал, например, такой представитель науки, как В.И. Вернадский. Но это можно понимать и иначе: в вере русские мыслители видели важнейшее из человеческих чувств, безусловную психологическую потребность человека, наконец, обязательную предпосылку и способ познания. В этом широком смысле русская мысль рассуждает о теистических и атеистических религиях, о религии марксизма или позитивизма, религии разума, прогресса и т.д.

Отталкиваясь от классической формулы Вл. Соловьева (русская идея — это не то, что Россия сказала о себе в истории, но то, что Бог думает о ней в вечности), можно сказать, что национальная мыслительная традиция — это как раз то, что та или другая культура «сказала о себе в истории», какой вербально зафиксированный след она оставила по себе. В частности, что сказала Россия произведениями своих философов, публицистов, историков, своей литературой и искусством. И еще то, как она говорит. Не случайно Г.П. Федотов в «Письмах о русской культуре» делился общим наблюдением: «Взятая из большой дали, культура обнаруживает единство — по крайней мере единство направленности. Так мы можем сказать, даже читая в переводах: это русский автор, это французский. Лишь об этих общих чертах, общих предпосылках национального стиля и может говорить историк»¹⁷. Такой предпосылкой служит, на наш взгляд, традиция, определяющая собой названное единство.

Как утверждал В.В. Зеньковский, ошибочное приписывание русским мыслителям эклектизма происходит из непонимания их синкретических намерений. Сосредоточение, синтез всех познавательных возможностей человека — одна из основных теоретических проблем в русской мыслительной традиции. Этот мотив звучит у славянофилов, развивавших концепты соборности и «живознания», эта идея лежит в основе системы «всеединства» В.С. Соловьева, «идеал-реализма» Н.О. Лосского или «органического мировоззрения» П.А. Флоренского как историка искусства. Русские мыслители XX в., объединяемые собирательной характеристикой «русский духовный ренессанс», говорили о только еще предстоящем рождении новой философии (в духе бердяевского «нового средневековья»), приближаемой ими, которая призвана, согласно их стремлениям и ожиданиям, синтезировать последние достижения науки с возрожденной религией.

Исследовательским методом, определяющим для отечественной исторической науки в последнее столетие, был, напротив того, анализ. В советской историографии это был, разумеется, социальный анализ. Соответственно предмет исследований суживался понятием «общественная мысль», которая включала в себя разные течения:

консервативно-охранительное, либерально-буржуазное, прогрессивное (пролетарское), в основном в зависимости от их позиции по отношению к «освободительному движению». Но заметим, что даже марксистская концепция знала элементы иного подхода, хотя и не совсем признавала его. Так, работа В.И. Ленина «Три источника и три составные части марксизма» трактует об английской политэкономии, французском утопическом социализме и немецкой классической философии. А что это, как не проявления, не элементы трех европейских национальных мыслительных традиций?

Абсолютизация аналитической стороны исследований приводила и приводит историков мысли к все большей специализации, которая граничит с взаимной изоляцией различных ее спектров, не позволяющей увидеть сам предмет, т.е. русскую мысль в ее целостности. Историографы зачастую сводят свой предмет к истории исторической науки — ее академических ветвей, организаций и учреждений, к изучению приемов исторического исследования и его проблематики, техники анализа источников, их накопления и распространения, развития научных концепций профессиональных ученых-историков. Ситуация растаскивания предмета, впрочем, характерна и для других дисциплин. Литературоведение, занимаясь изучением закономерностей «литературного процесса», углубляется в достаточно специальные вопросы теории литературы (структура художественного текста, поэтика, факторы и слагаемые творческого метода), литературной критики (толкование произведений с точки зрения определения их эстетической значимости), текстологии, семиотики, библиографии и т. д. Историки философии располагают, соответственно, собственной научной школой, не менее разветвленной — свою историю, замкнутую на себя же, имеют философские специальности: антропология, гносеология, логика, этика, эстетика; немалая часть усилий философов уходит на распределение мыслителей по направлениям, таким как экзистенциализм, феноменология и множество других. У историков экономических учений специализация проходит по линии теорий стоимости, ценообразования, кризисов и циклов, благосостояния, распределения и т.д., вне рассмотрения, или в тени, остается проблема мировоззренческих основ национальной экономической мысли и хозяйства в целом.

Упомянутое выражение, к которому прибегают представители всех перечисленных дисциплин, — «общественная мысль» — не слишком корректирует общую картину, ведь в основе его лежит тот же принцип анализа, только социального. К тому же выраженный в этой категории подход не может удовлетворить нас, поскольку он абстрагируется от национальной традиции, стремясь подчеркнуть принципиальную идентичность истории русской и западноевропейской мысли, а обнаруживаемые элементы специфики трактует как стадийное отставание.

Генезис и развитие гуманитарного знания предполагает значительно большую диффузию и отсутствие четких методологических и понятийных критериев разделения между составляющими его практиками, чем в области естественнонаучной проблематики. Такое положение дел связано не столько с а priori спекулятивным характером того, что Генрих Риккерт назвал «науками о культуре» по сравнению с «науками о природе» (постлейбницианская высшая математика или теория относительности строятся на постулатах и оперируют как раз отвлеченными понятиями), сколько в значительной степени с синтетичностью гуманитарной практики. Тем более это относится к русской мыслительной традиции, являясь ее отличительной чертой.

Социально-гуманитарные науки пересекаются и всегда могут взаимоинтерпретироваться, их развитие происходит во многом путем перекрестных заимствований. Парадокс заключается в том, что даже стремление к их синтезу приводит к бесконечной фрагментации. Эта тенденция уже имеет длительную историю. Только во второй половине XX в. представители гуманитарных знаний совместно переживали влияние социологизированного подхода. Затем на них распространилось влияние культурно-антропологического подхода, когда интерес переместился от больших социальных структур к социокультурным проблемам, от макро- к микроистории, широко применялись методы психологии. После этого последовал поворот к лингвистическому подходу, повлекший за собой так называемую «постмодернистскую ситуацию», ставившую под сомнение любые объяснительные модели и теории. Характерно, что мировоззренческие вопросы при специализации и бурном развитии все новых субдисциплин естественным образом исключаются из круга их интересов. Основной причиной этого, как представляется, является распыление предмета изучения. Оно происходит, когда предмет принадлежит одной науке, а методы его изучения заимствуются и диктуются предметом другой науки. Поэтому необходимый и плодотворный междисциплинарный синтез не должен упускать из вида конечный единый предмет¹⁸. В случае истории русской мысли — это, повторим, русская мыслительная традиция.

Не подлежит сомнению, что при изучении традиции перед нами тоже встает задача теоретического синтеза, решая которую необходимо учитывать обозначенные выше трудности и уже обнаружившие себя методологические двусмысленности. Как писал П.А. Флоренский в автобиографической статье, «культура есть органически связанная система средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, которая принимается за безусловную и потому служит некоторым предметом веры»¹⁹. За конкретными религиозными, философскими, экономическими, историческими, эстетическими рассуждениями мыслителей мы должны разглядеть эту безусловную

ценность, которая диктует образ мыслей, присущий нашей традиции в ту или иную эпоху.

В сегодняшних отечественных разработках теоретическим аспектам истории мысли уделяется должное внимание. В этой связи следует назвать альманах «История мысли», издающийся в МГУ с 2002 г.²⁰ Ведущий в нем междисциплинарный дискурс, объединяет в основном философов, историков, филологов и экономистов, представляющих на сегодняшний день самые разные научные центры от Владивостока и Томска до Марбурга и Ганновера. Каждый выпуск альманаха предлагает богатый материал для концептуальных обобщений, необходимых для дальнейшего развития разрабатываемой в нем области гуманитарного знания, как и соответствующего этой области исследовательского направления. Проблема дифференциации истории мысли и истории философии занимает во всех выпусках альманаха значимое место при том, что эти направления рассматриваются в единстве: одно есть логическое продолжение другого, а к философскому знанию предлагается подходить «в рамках более широкого, чем история философии в узком смысле, единства»²¹. При таком подходе в центре внимания оказывается позиция, сообразуясь с которой философ или его последователи осуществляют разработку своей проблематики, а ведущим методом исследования выступает постепенное выявление «своего» через «чужое». Соответственно единство национальной мысли «обусловлено общей для русских авторов антропологической позицией»²². При этом, как отмечает К.М. Антонов, речь идет именно обо всем многообразии теорий, а не только о тех из них, которые обычно причисляются к философским. «Сюда включаются не только теория познания и онтология, этика, эстетика и философия истории, но и богословие и религиозная (или антирелигиозная) публицистика, литературоведение и конкретная литературная критика, экономические и социологические теории и практики, конкретные исторические исследования и т.д.»²³. Трудностей философского анализа антропологических позиций различных авторов «можно избежать, если принять в качестве предмета рациональной реконструкции более широкое единство — *историю мысли*, включающую, помимо мысли философской, также и научную, историческую, богословскую мысль, литературную и художественную критику, политическую экономию, социологию и подобные, относительно самостоятельные, обладающие внутренней связностью, но связанные и друг с другом и, главное, отсылающие друг к другу, потоки мысли, общую рамку которых задает целостность “национальной мыслительной традиции”»²⁴. Но это вовсе не умаляет роли философии как интегрирующего начала, занятой при этом довольно четко очерченным «профессиональным» кругом вопросов — независимо от того, примем ли мы точку зрения тех, кто видит или хотел бы видеть в философии науку, или согла-

симся с теми, кто понимает философию как самостоятельную сферу познания, равноправную с научной.

Представляется, что философская традиция в собственном (не расширительном) смысле наравне с другими входит в число культурных традиций нации, общим знаменателем и квинтэссенцией которых выступает национальная мысль, соответствующая более высокому уровню обобщения. Не абстракции в философском смысле, разумеется, а обобщения под своим специальным углом зрения, увидеть который нетрудно. Не разделяя известной негативной оценки Ю.С. Пивоварова, присоединимся к его наблюдению: «Возвращаясь к работам по “Русской идее”, должен сказать: если отбросить множество подделок... то окажется, что это и есть *русская мысль*. Или иначе: основное направление развития отечественного любомудрия — это поиск, нахождение, формулирование “Русской идеи”»²⁵. Другими словами, под русской мыслью подразумевается преимущественно рефлексия по поводу русской культуры, русской истории, российской цивилизации и ее судьбы, национального самосознания.

Мировоззренческий, аксиологический характер этого знания, безусловно, роднит его с философией. Д.И. Чижевский сформулировал предмет истории мысли следующим образом: «...осознание человеком смысла своего существования; представление о том, какое место он занимает в кругу других людей, в природе и в сверхприродном мире, в каком отношении находится он к прошлому и будущему»²⁶. При таком подходе предмет истории мысли вполне можно соотносить с предметом философии. Как представляется, для более точной дефиниции следовало бы перенести акцент с человека вообще на выступающий в качестве исторического субъекта народ. Именно мыслительная традиция выполняет отмеченную Чижевским функцию по отношению к отдельному народу, который так же занимает собственное место в кругу других народов, в природе и надприродном мире и тоже нуждается в подобном сознании и вырабатывает собственные представления. В этой редакции за историей мысли остается свое, отличное от философии и ее истории, «дисциплинарное» предметное пространство. И при этом сохраняется взаимодополняемость этих областей знания, которые объективно не могут друг без друга обойтись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Франк С.Л. Русское мировоззрение. — СПб., 1996. С. 150.

² Вне рассмотрения мы оставляем духовно-академическую философию XIX в., в значительной степени примыкающую к богословию, хотя гносеологические идеи ее представителей о соотношении богословского и философского опыта представляют безусловный интерес для историков русской философии.

³ Франк С.Л. Русское мировоззрение. С. 170.

⁴ Гачев Г.Д. Космос Севера Евразии — и Россия как империя // Философия хозяйства. 2003. № 5. С. 22.

- ⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. – Л., 1991. С. 12.
- ⁶ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Рассел Б. История западной философии. В 2 т. Т. 2. – Новосибирск, 1994. С. 312.
- ⁷ Там же. С. 314.
- ⁸ Там же. С. 315, 316, 317.
- ⁹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Киев, 1991. С. 288.
- ¹⁰ См.: Лавджой А. Великая цепь бытия. История идей. – М., 2001. Первое издание вышло в Кембридже в 1936 г.
- ¹¹ См.: Овсянко-Куликовский Д.Н. Очерки из истории мысли // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2.
- ¹² См.: Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: Научно-популярные статьи профессора С.-Петербургского университета Ф.Ф. Зелинского. 3-е изд. – СПб., 1911.
- ¹³ См.: Нисбет Р. Прогресс: история идеи. – М., 2007. Приводя в пример идею прогресса, мы имеем в виду ее важность с точки зрения самоопределения и самовыражения русской мысли.
- ¹⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – М., 1932. С. 10.
- ¹⁵ Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. С. 572.
- ¹⁶ Детально об этом см.: Смирнов И.П. Национальная мыслительная традиция – предмет истории мысли // История мысли. Вып. 1. – М., 2002. С. 120.
- ¹⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. – СПб., 1992. С. 163.
- ¹⁸ Интересный опыт «теории предмета» применительно к конкретному материалу предложен в экономической науке (См.: Алиев У.Ж. Предмет и метод теоретической экономики (основы предметоведения). – Астана, 2012).
- ¹⁹ Флоренский П.А. Автобиографическая статья // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 44. – М., 1927. С. 144.
- ²⁰ История мысли / под ред. И.П. Смирнова. – М.: Вузовская книга.
- ²¹ Антонов К.М. От истории философии – к истории мысли // История мысли. Русская мыслительная традиция / под ред. И.П. Смирнова. Вып. 3. – М.: Вузовская книга, 2005. С. 6.
- ²² Там же. С. 14.
- ²³ Там же. С. 12.
- ²⁴ Там же. С. 17.
- ²⁵ Пивоваров Ю.С. «Русская идея»: культурно-цивилизационные предпосылки // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. – М., 2003. С. 70.
- ²⁶ Tschizewskij D. Russische Geistesgeschichte. В. 1. – Hamburg, 1959. S. 7.

Аннотация

Статья описывает историю мысли как направление гуманитарного знания и говорит о ее методологических отличиях от истории философии.

Ключевые слова: история философии, история мысли, национальная мыслительная традиция, историография, методология, синтез, дифференциация.

Summary

The article describes the history of thought as the direction of a humanities knowledge and tells about its methodological differences from the history of philosophy.

Keywords: history of thought, history of philosophy, national thought tradition, historiography, methodology, synthesis, differentiation.